

Давно уже выкристаллизовалось убеждение: не хочешь быть битым – не пиши. Так уж у нас, человеков, заведено с каких-то, невероятно давних, пор.

Больше всего достаётся на орехи поэтам. Почему? Наверное, потому что стихи, как люди: одни тебе симпатичны, другие – нет. Будь ты трижды гением, а все равно найдутся мудрецы (без кавычек), готовые сказать тебе обидные слова. Вполне возможно, справедливые...

И ещё. Не моя мысль, услышал от друга – Давида Лившица. Не имеет права поэт критиковать в печати другого поэта, потому что он, тем самым, как бы утверждает: «А мои стихи лучше!» Один знакомый, большой любитель поэзии, говорил: «Пока живёшь, ничего о тебе не будет известно. Умирай скорей, чтобы мы поняли, кто ты такой»...

Господи, сколько слов нагородил! А надо-то было сказать, что поэту, когда он говорит о коллеге, судейская мантия не к лицу.

Что-что, а бить своих поэтов мы умеем. Тут нам мастерства не занимать. О критиках уж и говорить не приходится, хлеб надо отрабаты-

вать. Но не менее (если не более) усердствуют сами поэты... И тут придётся привести историю, рассказанную в документальной повести «Мои знакомые поэты».

Произошла она всего каких-нибудь сорок лет назад.

ТОМ на Томи

Новокузнецк – не только крупный город, он ещё и гигантский центр тяжёлой индустрии в Сибири. В двухстах сорока километрах севернее – столица области Кемерово... Населения не больше, но вся культура сосредоточена там. Всякие областные организации, творческие союзы... Всё – в столице. А у нас живут три-четыре писателя и ни одного поэта-профессионала. Этот народ обычно кучковался вокруг книжных издательств. А в подростковом возрасте поднимают головы юнцы безусые, девицы... Куда их деть?

И горком комсомола организовал творческое объединение молодежи (ТОМ).

Мне, как Илья Муромцу – 33. Не подожгу под эту категорию населения. Но поскольку ничего другого нет, стал посещать ТОМ.

Совершенно незнакомые люди. И большинство из них – от шестнадцати до двадцати. В основном, школьники. И все – гении... Одноклассники **Жанна Брагинская, Валя Пьянкова, Саша** – ясноглазый красавец, гордый сверх меры. Ещё какие-то люди, среди которых выделялись **Павел Мертвецов (Майский)** и **Игорь Агафонов**.

Паша Майский писал зрелые стихи. Позднее стал студентом литинститута им. Горького в Москве. В то время он печатался в центральных журналах и поглядывал свысока на мелтешащую под ногами мелочь. Но по сути своей Павел был человеком добрым. Он не лез в мэтры, никому ничего не навязывал. И к нему все относились хорошо.

Об **Игоре Агафонове** надо сказать особо. На всех наших посиделках (а они проходили в актовом зале горкома комсомола) он держался особняком, и всегда чему-то многозначительно улыбался. Было ему в ту пору лет двадцать пять. Окончил, кажется, филфак Новокузнецкого пединститута, писал песни патристического толка. Чаще всего про «родной город на реке Томь», про «мартеновские зори» и про то, что «мы живём в городе угля и металла». Какие-то из его песен были положены на музыку, их даже иногда пели.

В то время я об этом человеке ничего не знал. А он оказался лёгким на подъём. Редактор городской газеты, подполковник в отставке А. Лисенко, заметил его и взял в штат. И не кем-нибудь, а ответственным секретарём. Под началом профессионально не созревшего молодого человека оказались газетчики в возрасте. И это вскружило Игорю голову. В должности он продержался года полтора... Но, как и всякий номенклатурный (стало быть, очень ценный) работник, без дела не остался. Стал редактором многотиражной газеты на шахте «Зырянская».

Жана Брагинская писала почти детские стихи:

«Сердце человеческое хрупко –
Как хрусталь разбиться на осколки может.
От обидных слов и от поступков,
И от грубой шутки тоже.
Но, чтоб в сердце вновь собрать осколки,
Надо быть всезнающим умельцем,
Только будет оно очень колким –
Собранное из осколков сердце».

Что-то очень похожее сочиняла и **Валя Пьянкова**. Когда я стал редактором многотиражной газеты «Разведчик недр» – взял их и Сашу литсотрудниками.

А над этим общим вопросом стоял уже бронзовевший на ходу писатель **Гарий Немченко**, только что опубликовавший свой первый роман «Здравствуй, Галочкин!» – вдохновенный рассказ о Всесоюзной ударной комсомольской стройке Западносибирского металлургического завода.

Как-то на комсомольскую галёрку прибыла творческая группа из Осинников – небольшого шахтёрского города, расположенного километрах в двадцати пяти от Новокузнецка. Группу возглавлял режиссёр городского народного театра **Виктор Гюнтер**. Стихи он писал от случая к случаю. Главная стихия – театр. Но уже лежала рукопись его первого (и последнего) сборника стихов «Одолжите мне день».

Мы с Виктором вскоре стали друзьями, то и дело ездили друг к другу, одолевая эти двадцать пять километров.

Я работал слесарем-сантехником в жилищно-коммунальной конторе треста Кузнецкметаллургстрой. У треста была многотиражка «Металлургстрой». Совсем недавно её редактировал **Гарий Немченко**. Рядом с ним работали молодые поэты **Сергей Дрофенко, Владимир Леонович, Павел Мелехин** и **Владимир Готов**.

Сергея Дрофенко я не застал, он вернулся в Москву и стал заведовать отделом поэзии в журнале «Юность». Вскоре умер.

Гарий ушел на писательские вольные хлеба, на его месте остался **Анатолий Ябров**.

А теперь я хочу рассказать одну, как мне кажется, интересную историю. О ней поведал в своей антологии «Строфы века» **Евгений Евтушенко**. Но он искажил её. И это мне долго не давало покоя. Много лет спустя, уже в 1998 году Владимир Готов коснулся её, но тоже, как мне кажется, не совсем точно. Может быть, из скромности.

Вот как писал об этом Евгений Евтушенко. «Когда в 1963 г. «Комсомольская правда» напечатала огромную издательскую статью, где была строка о том, что я «набил несмываемые синяки предательства», во всей стране нашлась только одна газета, осмелившаяся поднять голос в мою защиту»...

Года три назад я встретил Е.Евтушенко в Беэр-Шеве и рассказал ему, как было на самом деле. Разговор состоялся в фойе клуба и получился скомканным.

А на самом деле произошло вот что.

В то время **Анатолий Ябров** уехал в отпуск. Временно исполняющим его обязанности остался **Владимир Готов**. Вместе работали три поэта. И они, естественно, обсуждали проблему травли Евтушенко. Статью, конечно, написал Леонович (в то время ему было лет около тридцати). Называлась она «Живого, а

по мушю». Через сорок лет трудно вспомнить подробности, но суть такова: «Затравили Маяковского, загнали в петлю Есенина, Цветаеву... не дали житья кому-то там ещё... Оставьте в покое живого поэта. Евгения Евтушенко!».

Статья большая, шла в четырёх номерах. И трудно понять, как наши цензоры прошляпили так густо.

Евтушенко же всю заслугу отдал автору Владимиру Леоновичу. Ни Глотова, ни Мелехина при том будто бы и не существовало. Но что мог сделать автор, не поддержки его редактор газеты?.. Тут, мне кажется, главная роль принадлежала Гловоту. Не согласись он напечатать, может быть, Леонович и писать бы не стал.

Досталось и автору, и редактору (в первую очередь). Уже на следующий день редактор городской газеты **Ю. Баладин** написал гневную отповедь «Мудрец из одной многотиражки», где хорошо проехался и по Леоновичу, и по Гловоту. Автор разноса никак не мог понять: как это можно вот так идти – со всеми не в ногу?

От его статьи пошли разносные валы по всей стране. Состоялось экстренное заседание парткома треста. И редакция осталась без кадров. Ни одного дня не дали работать.

Редактор – в отпуске. Павел Мелехин срочно выехал на сессию в литинститут. И остался в газете один **Иван Ёжиков** во всех ипостасях.

Я в это время, в поиске хлеба насущного, печатал в газетах области посредственные стихи. И получал до сорока рублей в месяц гонорара. Такая добавка была для меня солидным подспорьем. При окладе-то – 80 рэ в месяц.

У меня был дом «На тридцать восемь комнат там всего одна уборная», и я должен был следить за его сантехоборудованием.

Стою на унитазе в женском туалете, регулирую шаровый кран в смывном бачке. Вдруг заходит какой-то мужчина выше среднего роста в сером плаще, в такой же кепчонке, остановился в центре и говорит:

– Вы будете товарищем Берковичем?

Во мне сразу же лагерный опыт проснулся: такие вопросы проста не задают.

– Да, я.

– Здравствуйте, товарищ Беркович. Я заместитель секретаря парткома товарищ Шамин Сергей Никитович. У нас трудности в газете возникли. Есть мнение, чтобы Вы завтра с утра вышли на работу в газету.

– Послушайте! – сказал ему опупевший я. – Это невозможно! Я же в газетном деле – ни петь, ни рисовать не умею.

– Вы бросьте скромничать, товарищ Беркович! Мы читали Ваши произведения, у Вас всё получится.

Я снова пытался его вразумить, но он сказал привычное:

– Товарищ Беркович, я не пришёл Вас уговаривать. Вы же слышали: есть мнение парткома. Если Вам это ни о чём не говорит, тогда совсем другое дело...

Мне бы обрадоваться – дураку, а я испугался до заикания. В самом деле, какой из шофёры и сантехника репортёр?!

Шамин же, уходя, заявил:

– Или в девять утра Вы – в редакции, или в одиннадцать – на парткоме. Мы Вам напомним, что такое партийная дисциплина.

Как происходят такие напоминания, я знал, поэтому от шуток отказался.

В редакции узнал, что пальцем на меня показал **Иван Ёжиков**, когда его спросили, кто способен ему помочь, хотя бы продержаться до возвращения Павла Мелехина.

«Вода, вода, кругом вода...»

Не кипела поэтическая жизнь в Новокузнецке. Сталь кипела, чугун кипел, а поэтическая жизнь – нет.

Жанна Брагинская что-то там писала, и Валя Пьянкова не отставала, но и у них ничто не кипело...

Правда, столичные поэты заявлялись, чтобы показать, как планета вертится. Всё-таки для столичного поэта очень важно было отметить командировку в штабе Всесоюзной комсомольской стройки.

Вот Алексей Марков прилетел, в городской библиотеке читал стихи: «А знаете, друзья, что ёж был с мягкой шёрсткою когда-то»...

Прошу простить, цитирую по памяти, книг этого поэта у меня нет.

В «Металлургстрое» какое-то время работал **Ян Янович Гольцман** – двадцатидевятилетний литраб многотиражки. Выволочку однажды от редактора получил. Зрение у него – отличное, но при том оказался политически близоруким. Это обнаружил «окулист» **Дмитрий Степанович Синютин**. Высокий этот абсолютно седой тридцатилетний красавец и покоритель женских сердец, окончил высшую партийную школу (ВПШ). И по этой причине стал редактором, а до того в замах ходил.

Этот самый наш новый редактор поручил Гольцману вести радиопередачи. Местные. На трестовские темы. Яну работа понравилась. Отыскал всяких пластинок – тьму. Теперь это называют дискотекой. Скажет по радио что-нибудь про то, как бригада Зайцева закончила заливку бетона на пятнадцатой отметке. Крикнет: «Так держать Зайцевцы!» – и пластинку поставит «ля-ля-ля, ля-ля-ля»...

А тут как раз какой-то по счёту съезд происходил. Партийный. Речи всякие. Ян их

передавал тоже. Хотя всё это к пятнадцатой отметке – никакого отношения, но секретарь парткома велел. Дисциплина в идеологии – первое дело.

Ян включил речь Леонида Ильича Брежнева при закрытии форума. Потом, как положено, дал музыкальное оформление – новую, очень модную в то время песню: «Вода-а, вода, кругом во-ода-а...».

Синютин услышал, белый сделался, ровно кучевое облако в июньский день. Прибежал – губы трясутся.

– У тебя голова, – говорит, – вижу, есть, А вот по части мозгов в ней – сомневаюсь. Моли, – говорит, – Бога, чтобы парторганы не слышали, а то ведь добром не кончится.

Ян плечами жмёт – мол, ничего не понимаю, песня такая хорошая. А тот ему талдычит, как дебилу – мол, это же партсъезд, дура, а ты – «вода, вода, да еще и – кругом вода!».

Короче говоря, передел редактор. Ничего не было. Ни ему, ни Яну. Может, никто не слышал, а может, не все так тонко подтекст понимают?

Ян в тот же день забыл про выволочку, и пошёл читать стихи своей девчонке-художнице, прибывшей к нему на побывку из столицы.

Ян Гольцман:

**«Я лежал среди ромашек,
Гладил муравья,
Говорила мне мамаша
Мудрая.
Реки чисты, травы часты,
А в траве клещи.
Ты не маленький,
И счастье сам теперь ищи»...**

Не знаю, нашёл ли Ян Гольцман счастье? Уехал в Москву, и, как в воду канул – ни слуха, ни духа.

А я ходил в то время полуголодный и всё совал стихи в разные редакции, а больше в «Кузнецкий рабочий». Родная же городская «сплетница». Да и зав. отделом культуры попался неплохой. Говорит: «Графоманы замордовали. Каждый день десятки стихов шлют. И на все отвечать след. А где же брать время на рецензии, на разносы всяким столичным гастролёрам?».

В самом деле, где ему взять время, – почувствовал я. А он-то не без умысла мне говорил. Удочку закидывал. «Может, возьмешься за это дело? Будешь официальным литконсультантом. Много я тебе платить не смогу, а по гривеннику за каждый ответ будешь получать...».

Не согласился я сначала, а потом подумал: «Да, не убудет же от меня, если я помогу старику!».

И стал я важным чиновником.

А он мне тут же папку со стихами. Те, что к печати годны, он оставлял у себя. А мне всё, что «на тебе, боже»...

– Ты люби графоманов, – наставлял меня мой шеф. – Никогда им не хами. Отказывая вежливо, мол, наша газета для таких стихов маловата, и советуй в «Новый мир» посылать.

Я так и стал действовать.

Из многих гор писем всё же два стихотворения рекомендовал к печати, но зав.отделом их отверг с порога.

А стихи неплохие, если я их до сих пор помню:

«Сибирь – страна металла,
Природы красота.
Сибирь – большое сало
И дружбы простота».

Или такое:

«Я не поэт и не Твардовский,
Но быть желаю таковым».

Я на отказ не обиделся. И писал, и писал ответы. Он меня бранил – за сжатость; надо бы попространнее, чтобы человек чувствовал, что о нём заботятся, а то ещё в горьком напишет, и ходи потом – отдувайся.

Я, по-прежнему, не распространялся: не мне же отдуваться! Поэтому каждый день свой रुपь зарабатывал. Весёлая работа, интеллектуальная!

А подлинная поэзия жила в Кемерово. Там располагался штаб областной писательской организации, во главе которой стоял **Евгений Буравлев** – поэт эпического плана. Личность сильная. Жена у него пела в оперетте, а он пробовал тексты для театра писать. У него был прочный авторитет в писательском мире, а в читательском он прославился тем, что однажды зарезал медведя.

Дело было по ранней весенней тропе, когда этот бурый малый из берлоги выполз. В такое время с ним лучше всего не встречаться, потому что он жрать хочет, как из пулемёта, а природа ему пока разносолов предложить не может. Всякие там малина, кедровые шишки – это всё потом будет. А пока в тайге и травы-то не найдёшь.

А Женю как раз угораздило встретиться с этим типом.

Тип поэта первым увидал. И тотчас же встал на задние лапы: явный признак, что миром не разойтись. Стоит на тропе и глядит на человека, оценивает: вкусный ли? Убежать от него невозможно, он развивает скорость до шестидесяти километров в час. На дерево полезть, так он тебя с любой высоты достанет. И один выход остаётся у человека – убить.

Поэт не растерялся. Снял тонкий свой рюкзачишко и швырнул потапычу в лапы. А он любопытный, как дитя. Начал копать: чего это ему тут подкинули? Вот эти секунды и отпущены человеку, чтобы ткнуть нож в пятно без шерсти под левой лапой. Так Женя и сделал. Медведь сел, не охнув.

Шорцы так умудряются распороть зверю живот и между ног у него проскочить, из-за спины вынырнуть, чтобы он не понял, куда враг девался. Но это уж совсем высший класс.

А вот стихов Евгения Буравлева у меня нет. Не потому, что достойных не нашлось, а просто, не имею ни одной его книжки.

Павел Мелехин

Совершенно не помню первую встречу с ним. Но ясно: произошло это в редакции той самой многотиражки, куда затолкал меня зам. секретаря парткома треста «Кузнецкметаллургстрой» Шамин. Хотя, в том не его вина. Главный виновник – Евгений Евтушенко. Не опубликуй он во французском журнале «Фигаро» свою «Автобиографию рано созревшего молодого человека», не было бы нужды защищать его ни Леоновичу, ни Готову, ни Мелехину. А что было бы со мной? Кто же может знать?

Паша работал ответственным секретарём.

Высокий, полноватый парень двадцати шести лет от роду, с короткой чёлкой, едва спускавшейся на лоб, всегда в своём традиционном светло-сером свитере.

...Он читает мою подборку информации. Правка волонтаристская. Никакой демократии! Я выглядываю у него из-за плеча: что он там творит? Ему это не нравится. Он макает ручку в непроливашку и излишки чернил сбрасывает через плечо, чтобы таким образом отогнать меня. Капли чернила попали мне на пиджак...

Ещё сцена. Паша сидит за своим столом, положив подбородок на ладони, слушает женщину, пришедшую искать защиты от своей невестки. Паша – само внимание. Кажется, и не моргнёт. И вот потекла по его щеке слеза, а он и не заметил. Так на него подействовал рассказ обиженной свекрови...

Такой Паша – трезвый, как стёклышко.

Ему совершенно нельзя было пить. А он этого не хотел признавать.

...На Первое Мая в редакции с Пашей пил водку Ваня Ёжиков. Так ему и надо! Другой раз будет знать. Паша окосел.

Ёжиков провожает его домой. Сопровождаемый вырывается и в валенках топает по лужам. Ваня тащит его за рукав, пытается утешать. Но где там! Паша вырывается и лупит Ваню по щекам. Прохожий: «Да врежь ты ему

по рогам, чего ты с ним цацкаешься!» – «Вы что?! Он же поэт!».

Больше всего от водки страдал он сам.

Ещё до приезда в Новокузнецк: шёл по своему Воронежу под парами, вдруг нетрезвый взгляд оскорбила большая стеклянная витрина. Паша оскорбления не снёс, и разбил витрину. Получил год тюрьмы.

Поэт Владимир Гордейчев вытащил его из каталажки, и устроил в литинститут.

...Однажды пошли три воронежских поэта – Мелехин, Гордейчев и Егор Исаев, преподававший в то время в литинституте, в ресторан. Взрослые мужи попивают и разговаривают. Паша пил молча, пока ему разговор не надоел. Схватил горчичницу и запустил в лицо преподавателю.

Его выгнали из института. И Егор долго не мог о нём слышать. Гордейчев вымолил прощение.

Однажды, в каком-то турпоходе, Паша, по нетрезвой головке, прыгнул с какой-то скалы, сломал обе ноги...

Вряд ли я ошибусь, если скажу, что из всех встречавшихся на моём пути поэтов, Павел Мелехин был самым талантливым.

Однажды он получил телеграмму от Егора Исаева. Тот требовал, срочно предоставить рукопись сборника стихов для издательства «Советский писатель». Паша тут же уволился и стал работать над рукописью. Писал иногда по шесть стихотворений в день. Причём стихи были отличные.

Первую книжку «Моими глазами» Паша прислал мне из Москвы, вторую – из Воронежа, третью опять из столицы, а четвёртую я купил уже после его смерти.

Паша продолжал пить, и стал продавать рукописи стихов графоманам. Те печатали его стихи под своей фамилией. Однажды Паша забыл, что продал несколько стихотворений, и отдал их в печать. Его обвинили в плагиате, потому что купивший стихи опубликовал их раньше.

Многие его стихи я помню наизусть, забыть невозможно. Вот такое для примера.

Павел Мелехин:

**«Спешим в маршрутах,
как будто гонятся**

За нами лешие налегке.

В глухих чащобах

мне спать приходится

Порой с девчонкой в одном мешке.

Я распалю костёр по качеству

Превосходящий любой закат.

И он дрожит. А девчонке кажется,

Что я дрожу с головы до пят.

Вокруг книжного издательства

Она спокойна и вразумительно
Зовёт меня после чая спать.
Я начинаю дрожать действительно
И лезу в спальную благодать.
А там погода стоит ташкентская:
Вползаю в самую теплоту.
На косы мягкие, косы женские
Я чуб отчаянно свой кладу...

Безлюдье... Небо синее слева,
Туман упал и костёр погас.
А мы, как будто Адам и Ева.
И всё начнётся лишь после нас.

(Из книги «Моими глазами»)

Я не выбирал «самое-самое» из его стихотворений. Их у него так много, да и невозможно рассчитать на первый-второй.

Вот, скажем:

«Я с татаркой живу. На двоих
Всё у нас – ликование и лихо.
Я не мщу ей за предков своих
За татаро-монгольское иго...»

Сочные, упругие строчки, полные иронии и самоиронии прочно удерживаются в памяти.

Книжки, изданные в шестидесятых, семидесятых и восьмидесятых годах, обветшали. И я боюсь, что это богатство может быть утеряно.

«В дыре, отделанной под кедр,
И Пушкин взвыл бы, верно,
Где я творил не письма к Керн,
А этикетки к керну...»

(Керн – каменный материал, извлекаемый из недр буровой колонкой.)

Однажды мы с женой прочли в «Литературной газете» в маленькой рамочке извещение о смерти поэта Павла Мелехина. Мы в смятении. А Паша в это время жил себе в Воронеже и улыбался: это он сам себе устроил такой «праздник». Может быть, захотелось побывать на собственных поминках, послушать, что о нём – мёртвом – друзья говорят?

Мы с ним работали вместе всего-то около года. Но общение было плотным.

Однажды он пригласил меня с собой читать стихи в книжном магазине, в центре города. Возвращались вечером, километра два шли пешком. Говорили о газете, о материалах на завтрашний день, о каких-то пустяках. И вдруг он, как-то так неуклюже, словно обронил: «Тебе надо писать стихи».

Именно в то время я их и перестал писать.

А Паша вскоре уехал, я ушёл в другую газету. Но этот год – в «Металлургстрое» – мне больше всего памятен именно тем, что там работал Павел Мелехин.

Вообще политика всех областных издательств ориентировалась в то время на крупных писателей и поэтов, за счёт местных кадров. Это было время, когда издателя только приступало к восстановлению справедливости в отношении загубленных или поруганных авторов, чьё творчество на самом деле явилось честью Русской литературы.

На прилавках магазинов появлялись книги тех, о ком запрещено было даже слышать: Сергей Есенин, Борис Корнилов, Иосиф Уткин, Павел Васильев, Борис Пастернак, Борис Ручьёв... Книжки эти расхватывали, и потому областные издательства их особенно читали.

Местных особенно не жаловали, потому что спрос не находили.

И всё-таки...

Главным редактором издательства работал прозаик Владимир Мазаев, редакторами – поэты Игорь Киселёв, Геннадий Юров, Эдуард Угрюмов. Они, за исключением последнего, почти ежегодно выпускали книги. Порой просачивались и авторы со стороны. Но через очень густое сито.

Одним из первых сквозь него прошёл Виктор Баянов. Ворвался в число авторов стихотворений и книг из совершенно иного мира. Он работал сначала помощником машиниста паровоза, потом стал машинистом и водил грузовые поезда по Сибири.

Высокий парень – под два метра, и совсем не образованный. Семь классов за душой. Но он, на мой взгляд, был самым талантливым в Кемеровской области поэтом. Не потому ли за его образование взялся Союз писателей СССР – направил на высшие литературные курсы в Москву?

Он не любил богемных тусовок. Рабочий человек, жил на колёсах и писал такие ситцевые и берёзовые стихи, от которых лучился свет человеческой доброты. И сам он человек очень добрый.

Я с ним, к сожалению, лично знаком не был. Виделись несколько раз. Но книги его всегда стояли на моих полках.

Виктор Баянов:

«Изда моя, приветь меня,
Побалуи давней лаской отчей.
Погрей у своего огня,
Чем Бог послал, меня попотчуй.»

И над землёй, и над водой,
Сквозь все удачи и оплошки
Мне самой близкою звездой
Сиял огонь в твоём окошке.

